

ВОЛЬФ
БЕЛОВ

ЧИСТИЛЬЩИК

Вольф Александрович Белов

Чистильщик

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271642

Чистильщик: АСТ; М.; 2006

ISBN 5-17-036852-62

Аннотация

Новый объект экспансии «чужих» – безжалостной негуманоидной расы, уничтожившей жизнь уже на десятках планет, – Земля. Оружие «чужих» – «чистильщики». Носители зародышей тысяч насекомых, стремительно размножающихся и убивающих на своем пути не только людей, но и животных. Человечество не знает способа бороться с захватчиками. Но неожиданно на помощь землянам приходит представитель гуманоидной цивилизации, веками ведущей войну с «чистильщиками»...

Содержание

Книга первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	24
Глава четвертая	41
Глава пятая	57
Глава шестая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Вольф Белов

Чистильщик

Книга первая

Чистильщик

Глава первая

Внимательно изучая очередной образец под микроскопом, доктор Глазков изредка отрывался от окуляра и делал пометки в толстой тетради. От этого занятия его отвлек возглас Светланы, молодой ассистентки:

– Андрей Васильевич, к нам гость!

Глазков оглянулся. На поляну выехал всадник в зеленой фуражке. Он был уже немолод, одногодок Глазкова. Всадник спешился, поправил ружье на плече и подошел к палаткам.

– Здравствуйте, граждане, – поздоровался он.

– Добрый день, – ответила Светлана.

Глазков лишь кивнул.

– Предъявите, пожалуйста, документы, – потребовал человек с ружьем.

– А в чем, собственно, дело? – ворчливо осведомился

Глазков. – Вы кто такой?

– Чибисов Федор Федорович, – представился незнакомец. – Лесник. Покажите документы, пожалуйста.

Глазков пожал плечами и сказал ассистентке:

– Светлана, покажите товарищу наши паспорта и командировочные удостоверения.

Девушка нырнула в палатку и, вернувшись вскоре, протянула леснику документы. Внимательно изучив бумаги, Чибисов вернул их Светлане и улыбнулся.

– Ученые, значит, – произнес он. – Нефть ищите али комету?

– Ни то, ни другое, – ответил Глазков. – Мы энтомологи. Наш профиль – акарология, точнее иксодология.

– Чего-чего? – недоуменно переспросил Чибисов.

– Изучаем клещей, – пояснил Глазков. – Да вот, взгляните сами.

Он пригласил лесника к походному столику. Тот подошел ближе, снял фуражку, посмотрел в микроскоп и тут же отшатнулся.

– Тьфу ты, мерзость какая! Ну и страшилище. А так посмотришь, вроде и ничего особенного, обыкновенная букашка.

– Вот вы про комету упомянули, Федор Федорович, – напомнила Светлана. – А что, была комета?

Чибисов пожал плечами.

– Ну, комета не комета, это уж ученым виднее, а что с неба

что-то упало, это факт. Еще зимой. Вы давно здесь?

– Конкретно здесь недели две, – ответил Глазков. – А вообще в ваших краях с середины мая. В разных местах образцы собирали. Сегодня последний день. К вечеру вернемся в поселок, а поутру поедem в город, оттуда домой.

– Подозрительного ничего не замечали?

– Да нет, ничего особенного. А что? Что-то случилось?

– Человек пропал. Еще весной, как раз ближе к маю. Негодяй, правда, порядочный, браконьер, а все ж таки человек. Ушел в тайгу и не вернулся, до сих пор не нашли. Ну ладно, поеду дальше. Приятно было познакомиться. Будьте здоровы.

Чибиcов взобрался в седло и направил лошадь в чащу.

– Не стойте, Светлана, не стойте, – поторопил Глазков свою помощницу. – Продолжайте упаковывать наши вещи. А мне надо закончить работу.

Светлана кивнула и скрылась в палатке. Ей и самой хотелось поскорее закончить все дела и наконец вернуться домой. За два месяца работы в тайге девушка смертельно устала и ей порядком поднадоел ворчливый старик. Она подала заявку на участие в экспедиции просто так, за компанию с подругой, не испытывая никакого энтузиазма. В отличие от многих сокурсников молодая студентка вовсе не горела желанием отправиться в таежную глухомань. Однако выбор пал почему-то именно на нее и Светлана попала под начальство пожилого ворчливого энтомолога. С ними должны были от-

правиться еще два человека, но в самый последний момент одного свалил запоздалый грипп, а у другого что-то случилось в семье. Теперь Светлане приходилось работать за троих как проклятой, мерзнуть по ночам в палатке, целыми днями ползать в траве, обследовать кустарники и деревья, добывая доктору все новые образцы для изучения и ежедневно рискуя самой стать жертвой исследуемых насекомых. А старик по-прежнему ворчал, был вечно чем-то недоволен. Хорошо хоть раз в неделю отпускал в баню в поселок строителей, что воздвигали бумкомбинат в нескольких километрах отсюда. Сам доктор не вылезал из леса все два месяца.

Пока Светлана упаковывала в ящики с сеном пробирки, инструменты и приборы, доктор вновь припал к окуляру микроскопа. И вновь его занятие было прервано появлением лесника.

Лошадь галопом вынесла Чибисова из чащи. Спешившись, лесник привязал свою лошадь к дереву рядом с кобылой ученых и подошел к Глазкову.

– Очень хорошо, что вы еще здесь, – сказал лесник.

Доктор с явным неудовольствием посмотрел на Чибисова и ворчливо спросил:

– Что еще случилось?

– У меня к вам просьба, товарищи. Требуется ваша консультация. Не могли бы вы пройти со мной?

– Для чего?

– Хочу, чтобы вы взглянули кое на что.

– На что именно?

– Прошу вас, пойдёмте со мной. Понимаю, что отрываю вас от дела, но мне необходима ваша помощь, как ученых.

Глазков проворчал что-то неразборчиво себе под нос, хлопнул тетрадь и поднялся.

– Это далеко? – спросил он.

– Да нет, здесь рядом совсем, – ответил Чибисов.

– Мне пойти с вами, Андрей Васильевич? – поинтересовалась Светлана.

Вместо доктора ответил Чибисов.

– Да-да, пожалуйста. Будет лучше, если вы тоже это увидите.

Глазков поморщился, но возражать не стал.

Лесник повел исследователей сквозь чащу. Вскоре он вывел их в ложбину. Все трое спустились по откосу. Чибисов указал на кости, белеющие в траве.

– Смотрите.

То был скелет коровы.

– Ну и что вы хотите от нас? – недовольно спросил Глазков.

– Как по-вашему, какое животное могло так обглодать эти кости?

Глазков пожал плечами.

– Вы обратились не по адресу. Мы не специализируемся по хищникам.

Тем не менее он присел на корточки и принялся внима-

тельно разглядывать останки. Скелет имел правильную форму, ни одна кость не была сдвинута в сторону, создавалось впечатление, что плоть животного просто истлела, оставив лишь остов. Всюду в траве пестрели клочки шерсти. Глазков достал из кармана лупу и склонился еще ниже, рассматривая скелет.

– Это сделало не животное, – произнес доктор. – На костях не видны следы зубов и они размещены в строгом порядке. Любой зверь растащил бы скелет.

– Между прочим, эта корова пропала всего два дня назад, – сообщил Чибисов. – Вчера в Ольшанах мне ее хозяйка жаловалась. Вон, колокольчик на красной ленте. Это та самая корова.

– Но это же невозможно, – с недоумением сказал Глазков. – Даже волки не смогли бы растащить тушу коровы за два дня, а это, судя по всему, сделано насекомыми или червями.

– И это не первый случай, – заметил Чибисов. – Я уже видел подобное на этой неделе. Так кто же, по-вашему, мог так очистить скелет?

Глазков пожал плечами, а Светлана вдруг выпалила непонятное для лесника слово:

– Марабунта!

– Не говорите ерунду, – отмахнулся доктор. – Какие марабунта могут быть в наших лесах?

– Вы бы, товарищи, по-русски изъяснялись, – попросил

Чиби́сов. – Что еще за бурунта такая?

– Марабу́нта, – поправил его Глазков. – Это такая разновидность плотоядных муравьев-кочевников. Но они живут в тропиках Южной Америки. Здесь их быть не может. Да и не похоже это на них. Марабу́нта двигаются широким фронтом в одном направлении, уничтожая все на своем пути, они даже траву выстригают. Нет, здесь что-то другое.

– Что же именно? – все требовал ответа Чиби́сов.

Глазков снова пожал плечами.

– Не знаю. Но случай, действительно, очень интересный. Пожалуй, стоит как следует осмотреться, обследовать местность. Светлана, посмотрите в той стороне, а я пойду сюда. Вы, Федор Федорович, тоже осмотритесь. Если заметите что-либо необычное, кричите.

Глазков, Светлана и Чиби́сов разошлись в разные стороны. Доктор первым наткнулся на скелет небольшого животного, видимо, какого-то грызуна. Акаролог не очень хорошо разобрался во всем, что не касалось его непосредственной профессии и не мог с точностью определить, кому принадлежат останки. И опять вокруг не оказалось никаких следов. Доктор хотел было окликнуть своих спутников, но в этот момент услышал истошный вопль Светланы. Глазков бросился на крик, к нему присоединился Чиби́сов.

Когда мужчины спустились в ложбину к девушке, она стояла на краю круглой воронки, словно от снаряда. Дрожащей рукой Светлана указала вниз. На дне воронки лежал скелет

человека. Он был одет в телогрейку, штаны, сапоги, рядом с голым черепом валялась ушанка. Тут же лежала двустволка.

Чиби́сов спустился в воронку, доктор последовал за ним. Мужчины осмотрели останки. Как и в случаях с животными от жертвы неизвестного нападения остался лишь голый скелет. Одежда побурела от крови, но осталась почти целой, лишь несколько дырочек на штанах. Однако внутри были лишь кости.

– Костенко, – определил лесник, подняв двустволку. – Тот самый браконьер. Его ружье.

– Что-то странное у вас тут происходит, – с тревогой произнес Глазков. – Надо бы сообщить властям и вызвать специалистов.

– Придется, – согласился лесник. – Вам здесь тоже оставаться небезопасно. Советую вернуться в поселок. Идемте.

Чиби́сов вылез наверх. Доктор чуть задержался. Он что-то поднял с земли, завернул в носовой платок и сунул в карман, затем присоединился к своим спутникам.

Быстрым шагом все направились обратно к лагерю исследователей. Выйдя на поляну, Чиби́сов, шедший впереди, остановился, как вкопанный. Светлана натолкнулась на его спину. Выглянув из-за плеча лесника, девушка вскрикнула.

Под деревьями, где недавно были привязаны две лошади, белели скелеты.

– Невозможно, – растерянно прошептал Глазков. – Мы даже шума никакого не слышали.

– Быстро уходим отсюда, – распорядился Чиби́сов, отступая.

– А как же образцы?! – всполошился доктор. – Черт возьми, как же без лошади увезти все образцы и оборудование? У нас столько вещей. Надо забрать хотя бы журналы.

– Бросайте все к чертовой матери! – воскликнул лесник. – Эти твари, кто бы они ни были, где-то поблизости. Надо как можно быстрее добраться до поселка. Ваше барахло они не тронут, а вот нас... Уходим отсюда.

– Да-да, конечно, – машинально согласился доктор, растерянно глядя на палатку, где лежали плоды его трудов.

– Идемте же, Андрей Васильевич, – поторопила его Светлана.

В голосе девушки слышался страх.

Чиби́сов быстрым шагом направился через лес, доктор и Светлана последовали за ним. Лесник повел своих спутников кратчайшим путем к поселку строителей.

– Это невозможно, – повторял доктор всю дорогу. – Просто невозможно. Ни одно живое существо не могло сделать такое. Мы отсутствовали не более часа. Этого недостаточно, чтобы уничтожить всю плоть и отшлифовать кости добела.

– Возможно или нет, это уж вам, ученым, виднее, – сказал Чиби́сов. – Но что бы это ни было, сейчас оно находится в лесу. Чувствую, у нас большие неприятности.

Через три часа они добрались до поселка. Оказалось, что и там сегодня произошло странное событие – возвращав-

шиеся со стройки рабочие обнаружили скелет пса, что еще утром весело бегал по поселку.

Чибисов сразу направился в контору строителей.

– Телефон, – потребовал он с порога. – Срочно дайте позвонить.

– Извини, Федор Федорович, – развел руками начальник стройки Светлов. – Связи нет, обрыв на линии. Электрики еще с утра отправились ремонтировать, до сих пор не вернулись.

– А радиосвязь есть?

– Тоже не работает. Еще две недели назад что-то там сгорело, радист заказал новые детали, до сих пор не прислали.

– Черт побери! – в сердцах воскликнул Чибисов. – Вызовите его, может, он сумеет как-нибудь починить свой агрегат. Необходимо срочно связаться с городом.

– Да что случилось-то у тебя, Федор Федорович? Ты сам не свой.

– Да не у меня случилось, у всех нас. Вы разве не слышали, что произошло с собакой? А в лесу я видел еще кое-что.

Чибисов вкратце рассказал о том, как вместе с учеными нашел скелеты и что случилось с лошадьми.

– Не знаю, что за хищники появились в тайге, но нам угрожает опасность.

– Неужели все так серьезно? – не поверил Светлов.

– А вы как думаете? Говорю же, двух лошадей всего за час обглодали. Кто бы ни были эти твари, они нападают не

только на животных, но и на людей. Костенко же они сожрали. Скажите всем своим рабочим, чтобы на ночь как следует заперли все окна и двери и никуда не выходили. Неизвестно, чего теперь ожидать. Дайте мне лошадь или машину, я поеду на станцию в Ольшаны. Надо срочно сообщить руководству.

– Да ты успокойся, Федор Федорович, подожди паниковать. Сам ведь говоришь, неизвестно даже, кто эти скелеты обгладывает. Может все не так уж и страшно. Ты сядь, отдохни, чайку попей.

Чиби́сов не успел ничего ответить. Дверь распахнулась и в помещение вбежал прораб Габдулов.

– Ы́ван Гаврылыч, бе́да! – закричал он, от волнения коверкая русские слова больше обычного. – В трэ́тэм бараке... там...!

– Что там случилось? – встревожился Светлов.

– Шайтан его зна́ёт! Тараханы са всэ́х шэ́лэй лэ́зут! Ку-саются как собаки!

– Вот и дождались, – мрачно произнес Чиби́сов. – Наверняка это те самые твари.

В этот момент в контору ворвался Глазков. Его седая шевелюра была растрепана, а сам доктор покраснел от волнения.

– Кто тут главный? – спросил он с порога.

Не дожидаясь ответа, доктор подбежал к столу и вытряхнул из стакана, который держал в руке, что-то черное.

– Смотрите!

– Что это такое? – спросил Чибисов.

– Это один из них. Они идут из тайги.

Все присутствующие склонились над столом. Глазков принес крупного жука величиной с грецкий орех почти правильной круглой формы. Жук резво побежал по столу. Светлов остановил его ногтем у самого края. Насекомое впилося в палец начальника стройки, Светлов вскрикнул от боли. Ухватившись за твердый панцирь, он с трудом оторвал от себя жука.

Насекомое упало на пол. Чибисов топнул, попытавшись сапогом раздавить жука. Однако насекомое все так же резво поползло прочь. Лесник еще раз топнул, потом схватил свое ружье и ударил прикладом. С третьего удара панцирь жука раскололся.

– Что это за тварь? – недоуменно спросил Светлов.

– Не знаю, – ответил доктор. – Мне это насекомое неизвестно. Никогда не видел ничего подобного.

Снаружи слышались крики.

– Идемте, – решительно сказал Светлов.

Все выбежали из конторы. Поселок охватила паника, всюду царил суматоха, слышались испуганные крики. Люди выбегали из бараков, стряхивая с себя насекомых.

– Что делать, Иван Гаврилыч?! – крикнул подбежавший к начальнику рабочий.

Он был в одних трусах и тапочках, с полотенцем на плече, а в руках почему-то держал зажженную керосиновую лампу,

хотя было еще не темно.

– Что происходит? – спросил Светлов. – Где эти тараканы?

– Да везде! Сейчас вообще ни хрена не понять, со всех сторон из тайги прут! Да вон, смотрите сами!

Из проулка меж двух бараков выбежали несколько человек, за ними выплеснулась черная волна. Жуки наступали бесчисленным множеством, бряцая друг о друга броней панцирей. При этом создавался звук схожий с шелестом ветра в листве. Один из отступающих рабочих споткнулся и упал, его тут же накрыло черной волной. Человек закричал, катаясь по земле, товарищи бросились ему на помощь, но ничего не смогли сделать, им самим пришлось спасаться бегством. Крики несчастного быстро затихли, во все стороны брызнула кровь из разорванных артерий.

Светлов выхватил из рук рабочего лампу, отвинтил крышку и бросил светильник в самую гущу насекомых. Жуки отпрянули от лужицы вспыхнувшего керосина.

– Огонь! – крикнул Светлов. – Огонь их остановит! Хватайте все, что горит, делайте факела!

Сотни огней вспыхнули по всему поселку. Люди отбивались от кровожадных насекомых горящими тряпками, вениками, жгли газеты.

Но все это было малоэффективно. Жуки неумолимо наступали, словно задались целью уничтожить людей.

– Мы не продержимся и до ночи, – сказал доктор Светлову. – И уйти отсюда мы не сможем.

– Почему? – спросил Светлов.

– Это необычные насекомые. И это не миграция. Они пришли за едой и сожрут нас так же, как сожрали все в лесу.

– Вы уверены?

– Я ни в чем не уверен. Но вы же сами видите, они наступают со всех сторон и их все больше и больше. Возможно, что и пища-то им необходима как раз для процесса размножения. Если это так, то очень скоро они расплодятся неимоверно. Это очень необычные насекомые.

– Ясно, – кивнул Светлов. – Габдулов! Бензовоз сюда! Живо!

– Вы что задумали? – насторожился Чибисов.

– Сожжем все к чертовой матери!

– Да вы с ума сошли! Кругом тайга, тут такой пожар начнется! И стройка ваша сгорит ко всем чертям!

– А здесь полторы тысячи человек могут погибнуть.

– Ольшаны горят! – крикнул кто-то, увидев зарево и клубы дыма в сумеречном небе со стороны станции.

– Видимо, на них тоже напали, – понял Светлов. – Там уже поняли, что спастись можно только огнем.

– Я не могу этого позволить, – как-то вяло, без всякого энтузиазма произнес Чибисов.

– А тебя, Федор Федорович, никто и не будет спрашивать, – твердо ответил Светлов.

Вскоре над поселком взвилось пламя, а еще через некоторое время запылала тайга.

Глава вторая

«Неудача, если не сказать – полный провал. Корабль безнадежно поврежден, сам едва живой, контейнер потерян. Ситуация довольно сложная. С одной стороны повезло, что хоть сам уцелел, с другой – вся миссия под угрозой срыва.

А все тот неизвестный танец. Хотя, почему же неизвестный? Похоже, что очень даже известный. Наверняка, это был сам командор. Раньше приходилось много слышать об этом грозном воине, но сразиться с ним довелось впервые. Собственно, вообще сражался в первый раз, до этого была лишь теория боя и никакой практики. Что ж, теперь командор надолго выведен из строя, если не навсегда. Правда и сам оказался в незавидном положении, но командору сейчас, наверняка, гораздо хуже.

Однако похоже, что в правительстве есть предатели или разведка танайцев работает гораздо эффективнее, чем мы думали. Иначе откуда танайцы могли узнать о секретной миссии и послать в погоню командора. Он точно знал, где и в какой момент появиться. Едва-едва успел выпустить контейнер и подвергнуть себя самого действию маскиратора. С маскиратором, это, конечно, вовремя успел. Похвальная предусмотрительность, иначе пришлось бы сейчас щеголять перед туземцами в своем истинном виде. Аппарат-то разбит вдребезги, как и все прочее на этом корабле. Вряд ли местным

обитателям, что сами выглядят довольно странно, понравился бы облик пришельца. А их мнение нельзя игнорировать, интеллект аборигенов хоть и недоразвит, но все же присутствует и агрессивности им не занимать. Недаром танайцы считаются их родственниками. Вон командор какое расстояние преодолел и все для того, чтобы уничтожить этот корабль. Что ж, ему это почти удалось. Но теперь-то командор уже не является помехой – никогда не слышал, чтобы из черной дыры возвращались.

Конечно, следует признать – исход поединка был чисто случаен, просто повезло, что удалось загнать командора в черную дыру. Он слишком увлекся преследованием и, как всякое примитивное существо, не привыкшее мыслить логически, поплатился за это. А могло бы все сложиться и по-другому. Ведь, строго говоря, мы, чистильщики, совсем не воины, мы, так сказать, солдаты науки. В нашей работе бывает всякое, но примитивное банальное убийство – не наш профиль. Это профессия командора и ему подобных.

Впрочем, пора забыть это досадное и нелепое происшествие. Есть очень много более важных дел. Для начала необходимо проверить все системы корабля, может хоть что-то уцелело. Не работает, не работает, это тоже выведено из строя. Не действует ничего. Абсолютно. Хотя нет, один прибор все-таки остался в рабочем состоянии, но как раз он сейчас не представляет крайней необходимости. Даже связь отсутствует, послать сообщение центру нет никакой возмож-

ности. Стало быть и помощи ждать нечего, остается рассчитывать только на самого себя. Хуже всего, что разбит поисковый радар, без него невозможно определить точное место падения контейнера. Конечно, оно известно приблизительно, но это «приблизительно» в местной системе измерения равняется паре тысяч километров. Если система сработала четко, уборщики уже должны покинуть инкубатор и приступить к работе. А если не сработала... Придется действовать самому. Чистильщик для того и сопровождает контейнер, чтобы контролировать этих безмозглых тварей. Ведь это уже не первая подобная миссия, однако успеха еще не было. А родной мир продолжает гибнуть с ужасающей прогрессией, возможно, что именно от этой миссии зависит жизнь всего сообщества.

Слишком большая ответственность для отдельного индивидуума. Время уходит, а еще абсолютно ничего не сделано, все только начинается. Начинается с трудностей, разрешить которые весьма проблематично. Где же искать контейнер? И как это сделать? И как контролировать самих уборщиков, если система контроля тоже превратилась в кучу бесполезного хлама? Вопросов много, ответов пока нет. Работа предстоит нелегкая.

Все, хватит сетовать на жизнь. Никто и не обещал, что все пройдет гладко. Сам знал, на что шел. Сейчас совсем не время предаваться унынию, пора приступить к своей работе. Для начала необходимо покинуть это место, пока не

нагрянули туземцы. Наверняка падающий корабль привлёк их внимание. Встреча с местными обитателями у обломков собственного корабля только добавит проблем. Что касается самих обломков, их необходимо уничтожить, незачем давать туземцам пищу для размышлений. Странное дело, система самоликвидации корабля – единственное, что уцелело во время крушения. Как-то слышал, что на кораблях-разведчиках это самая надёжная система. Оказывается, это действительно так. Если бы создатели корабля постарались придать такую прочность всей конструкции, сейчас было бы гораздо меньше проблем.

Но без толку горевать о том, чего нет. Теперь привести систему самоликвидации в действие. Вот так, процесс пошел. Теперь прочь отсюда. Быстрее за те камни. Быстрее. Успел. Взрыв довольно сильный. На новых кораблях устройство самоликвидации подвергает всю конструкцию аннигиляции, корабль испаряется тихо, без шума. Этот корабль старой постройки и взрыв уж точно может привлечь внимание туземцев. Значит, надо уходить отсюда.

Вот и все, утрачена последняя частичка родины. Если удастся выполнить свою миссию, эта планета станет новой родиной для всего нашего народа. Сейчас она заселена бессмысленными примитивными существами, которые не ценят жизнь и сами уничтожают собственную планету. Они недостойны править этим миром. Что ж, на то и нужны чистильщики, чтобы очищать планеты от никому не нужных

форм жизни и подготавливать их к заселению новыми существами, гораздо более развитыми и организованными. Мы давно научились ценить жизнь и сумеем распорядиться этим миром как надо. Правда, наш опыт стоил нам слишком дорого, жизни собственной планеты. У туземцев такого опыта уже не будет. В какой-то мере мы даже делаем одолжение этим примитивным недоразвитым существам, уничтожая их. Им не придется пройти через все те ужасы экологической катастрофы, что довелось испытать нам. В конце концов, они сами подписали себе приговор своим отношением к жизни, так или иначе они все равно себя погубят, мы лишь ускоряем этот процесс. И нечего их жалеть. Собственно, никто их и не жалеет. Ненависти к ним конечно же нет, но и жалости тоже. Такая профессия – чистильщик. Нет никаких личных чувств. Тогда к чему все эти нелепые рассуждения? Что-то начал сам себя запутывать, совсем утратил логику. Наверное, это последствия нервного потрясения после битвы с командором. Да и ситуация слишком сложная, есть от чего растеряться. Но расслабляться не стоит, ничего сверхнеожиданного в случившемся нет, чистильщиков готовят к подобным ситуациям. И планета эта хорошо известна, за ней давно уже ведется наблюдение. Но легко думать о стойкости, когда находишься в стенах академии, а вот здесь, оказавшись в полной изоляции в чужом мире, отрезанным от своих...

Все, хватит, не смей поддаваться панике. Гнать прочь от себя бесполезные ненужные мысли. Пора заняться делом.

Действовать надо, действовать. Как? Неплохой вопрос. Только вот ответ на него неизвестен. Пока неизвестен. Но выход из данной ситуации обязательно будет найден, по-другому и быть не может. Нужна информация. Где ее добыть? Естественно у туземцев. Что ж, вперед. И постоянно помнить, что я чистильщик. Никаких чувств, никаких эмоций. Я на работе.»

Глава третья

Пробуждение как всегда было трудным и несвоевременным. С трудом разлепив веки, Максим уставился на будильник. Не сразу он сообразил, что безнадежно проспал. Когда же мальчик, наконец, осознал это, внутри словно распрямилась пружина. Отбросив одеяло, он вскочил с постели и принялся лихорадочно одеваться. В любой другой день он не стал бы особо спешить, опаздывать в школу уже вошло в привычку. Но вчера был неприятный разговор с биологичкой, их классным руководителем, и Максим получил строгое предупреждение. А сегодня, как назло, первый урок ее.

Как это обычно и бывает в таких случаях, суетливость лишь задерживала. Все получалось не то и не так – рубашка не застегивалась, ноги почему-то попадали в одну штанину. Когда же, наконец, удалось натянуть брюки, оказалось, что сбоку, чуть ниже колена, зияет прореха. Максим чертыхнулся. Совсем вылетело из головы, что вчера после школы гонял с приятелями мяч и, падая, зацепился за арматуру. Была бы мама дома, обязательно зашила бы или подготовила на утро другие. Но родители, оба геологи, уехали куда-то в Сибирь, а от Катки, старшей сестры, разве дождешься.

Метнувшись к шкафу, Максим принялся лихорадочно искать другие брюки, разбрасывая вещи по всей комнате. Наконец, кое-как одевшись, он снова посмотрел на будильник.

Время поджигало. Максим сгреб со стола учебники и тетради, торопливо запихнул все в сумку. Уроки вчера сделать тоже времени не хватило, сегодня будет головомойка по полной программе.

– Опять проспал, – слышался сзади язвительный голос.

Максим оглянулся. В дверях стояла Катька. Ничего не ответив, мальчик продолжал собираться.

– Когда это кончится, Макс? – продолжала сестра. – Шлешься где-то допоздна, уроки не делаешь, учишься кое-как, в школу постоянно опаздываешь. Уже твоя классная звонила, жаловалась.

– Отстань, Катька, не до тебя, – отмахнулся Максим. – Могла бы и разбудить.

– А то мне больше делать нечего! – возмутилась сестра. – Домой надо приходиться вовремя и спать пораньше ложиться. Вот приедут папа с мамой, я все им расскажу.

– Чего от тебя еще ждать, ябеда!

– Сам виноват, совсем от рук отбился. Папа тебе велел все выполнять, что я говорю, а ты не слушаешься. Где опять вчера до ночи болтался?

– Ты за собой последи, тоже до полуночи со своим Игорьком бродишь.

– Я уже взрослая, мне можно. Ты себя-то со мной не равняй, сопляк.

– Да? А шампанское на дискотеках хлебать и целоваться в подъездах тебе тоже можно? Мне тоже есть, что папе рас-

сказать. Посмотрим, что он скажет, когда узнает, что Игорь в твоей комнате ночевал.

– Ах ты...

Катя схватила брата за шиворот, но тот вывернулся и убежал из комнаты.

– Отстань, дура, и так уже опаздываю!

– Это кто дура?! – разгневанно прошипела сестра.

Не желая продолжать выяснение отношений, Максим нырнул в кроссовки и выскочил за дверь.

– Чтоб после школы сразу домой! – слышалось вдогонку. – Потом поговорим.

– Посмотрим, – буркнул Максим, сбегая вниз и прыгая через три ступеньки.

Сестра слышала его ответ.

– Никаких «посмотрим»! Опоздаешь хоть на минуту, я не знаю, что с тобой сделаю!

Как ни торопился Максим, до звонка он все равно не успел, опоздал на пятнадцать минут. Но делать было нечего. Тяжело вздохнув, Максим отправился на казнь.

– Ага, вот и Якимов явился, – приветствовала его учительница, едва Максим вошел в класс. – А мы уж заждались. Что случилось на этот раз?

Максим шмыгнул носом, соображая, что бы такое сказать поубедительней, но, как на грех, весь запас отговорок истощился.

– Я это самое... – промямлил он. – Ну, как его...

– Которое?

Мальчишка пожал плечами и выпалил напрямик:

– Ну проспал я, Вера Семеновна.

– Так, теперь ты, значит, проспал.

– Ну да. А что такого-то? Что я, проспать не могу, что ли?

Я же не железный?

– То-то и оно, что не железный. Пластилиновый ты.

Класс взорвался смехом. Максим нахмурился, он терпеть не мог быть объектом насмешек.

– Положи сумку и иди к доске, – сказала Вера Семеновна. – Тихо, ребята. Успокойтесь.

Максим подошел к своей парте, бросил сумку на стул, потом повернулся к учительнице и снова шмыгнул носом.

– Это самое... Вера Семеновна, а может лучше не надо к доске?

– Это еще почему? Опять не подготовился?

– Ну, не то, чтобы не подготовился, но и не совсем, чтобы...

– Не юли, Якимов. Не выполнил домашнее задание, так и скажи.

– Не успел я, Вера Семеновна.

– Все ясно с тобой. Садись. Считай, что двойка в четверти тебе обеспечена.

Весь урок Максим просидел, словно в забытьи. Напрасно он пытался сосредоточиться на объяснениях биологички, в голову лезли совершенно посторонние мысли, вытесняя от-

туда всю науку о зверушках. Жизнь в последнее время повернулась к нему не лучшей своей стороной. Учеба действительно давалась из рук вон плохо, отношения с сестрой натянулись до предела, с приятелями тоже как-то не ладилось. Максим и сам не мог понять, что такое с ним творится. Вроде бы не влюбился, тфу-тьфу-тьфу. По родителям, что ли, соскучился? Да, вроде, не настолько уж. А на сердце все время какая-то тоска, чего-то не хватает. Неужели это и есть переходный возраст? Как бы там ни было, а надо что-то делать с собой, брать себя в руки и как-то исправлять положение. Вернутся родители из командировки, по головке не погладят. Классная обязательно донесет, все им расскажет об успехах любимого чада. Да и Катька молчать не станет. Катька. Видимо, все-таки в ней причина всех несчастий. Как только раньше с ней жил под одной крышей, непонятно. Ведь не было прежде таких скандалов, а сейчас из-за сестры даже домой возвращаться не хочется. И чего все время лезет, чего ей надо? Гуляет со своим Игорьком, ну и пусть гуляет. Никто же не вмешивается. Хотя если б его, Максима, воля, он бы этого ухажера на порог не пустил бы. Нашла же Катька себе парня... Просто слов нет. Но Максим ведь молчит, не вмешивается в ее жизнь. А вот ей наоборот надо влезть в душу младшего брата, все вынюхать, все разузнать. Корчит из себя взрослую. А сама, чуть что, сразу в слезы. Взрослая, как же. Всего-то на пять лет с небольшим старше Максима. Переросток. Вымахала, оглобля, чуть не на две головы выше млад-

шего брата, вот и строит из себя. Еще командует. Ишь ты, «сразу домой». А чего там делать-то? Или с Игорьком беспрестанно целуется, заперевшись в своей комнате, или подруг наведет, таких же длинноногих, сидят, чирикают, ерунду всякую гоняют, слушать тошно. Еще и к Максиму цепляются, как будто ему одной Катки мало. Ладно, сестра жрать еще готовит, а то вообще хоть вешайся. Хорошо вон Кольке, он единственный ребенок в семье, не знает, какое это наказание – старшая сестра. А тут мучайся всю жизнь.

Из раздумий Максима вывел толчок в плечо.

– Не спи, замерзнешь! – крикнул в ухо приятель Колька. – В кому, что ли, впал? Звонок уже был. Айда математичке сдаваться.

Максим огляделся. Урок действительно закончился, ребята покидали класс. Максим сгреб учебник с тетрадью в сумку и поднялся из-за стола.

– Якимов, задержись, – окликнула его учительница.

Колька многозначительно подмигнул и хлопнул товарища по плечу.

– Держись, Яким.

– Да иди ты... – отмахнулся Максим.

Он сел за первую парту перед столом Веры Семеновны. Когда класс опустел и дверь захлопнулась за последним человеком, биологичка пристально посмотрела на непоседливого ученика и произнесла:

– Ну, Якимов, что будем делать?

– В каком смысле? – спросил Максим.

– В прямом, Якимов, в прямом, – Вера Семеновна полистала журнал и покачала головой. – Ты посмотри, двойка на двойке. Это только по моему предмету. А по остальным не намного лучше. За последний месяц ты выше тройки не поднимаешься. А ведь в начале года все было иначе. Так что же случилось?

Максим пожал плечами.

– Да ничего не случилось. Все нормально.

Учительница вздохнула. Вера Семеновна еще не привыкла к роли наставницы, это был ее второй год работы в школе. Она очень хотела работать с детьми и в пединститут пошла по призванию, но девушка и предположить не могла, что будет настолько тяжело. Со стороны все казалось гораздо проще. И дело вовсе не в мизерной зарплате, неуютной комнатухе в общежитии и прочих неурядицах, хотя, конечно, это тоже по-своему гнетет. Нет, ее трудности совсем в другом. Она в совершенстве знала свой предмет, но вот как донести свои знания до ребят, у которых на первом месте радости детства. И без того смущаешься и краснеешь, когда объясняешь анатомию половых органов млекопитающих, а тут на тебя еще и внимания не обращают, а уж если обратят, начинаются смешки и похабные замечания. Этот год оказался еще труднее предыдущего, ей дали класс, тридцать подростков, юных членов общества, каждый со своим характером, своим, уже сложившимся, как им кажется, представлением о жизни.

Не так, совсем не так молодой преподаватель представляла себе свою карьеру. Как хотелось быть мудрой наставницей, чтобы питомцы, не дыша, смотрели в рот, ждали совета. Но, похоже, она просто зеленая девчонка, молодая идеалистка. Для своих подопечных она лишь обычная училка и в ее советах они вовсе не нуждаются. Вот и этот вихрастый мальчишка все время о чем-то думает, переживает, но ни за что не раскроет душу, все будет держать в себе. Она для него чужая. Все для него чужие. Нет, что-то с ним случилось, что-то происходит неприятное. Чувствуется какая-то пустота в его душе, которую не могут заполнить ни друзья-приятели, ни родные. Мается парнишка, сам не знает, чего хочет.

– Не похоже, Максим, чтобы все было нормально, – произнесла учительница. – Что с тобой происходит?

– Ничего не происходит, – буркнул Максим.

– Я знаю, твои родители надолго уехали. Может, у вас дома что-то не так? Или преподаватели тебе не нравятся? Может быть, ты мною не доволен? Что мешает тебе заниматься? Скажи, не молчи.

Опустив голову, Максим молча смотрел в парту перед собой. А что он мог сказать? Что классная лучше сестры только потому, что достает его не каждый день? Лучше уж промолчать, не нарываться лишний раз на неприятности.

Так и не дождавшись ответа, учительница снова вздохнула и сказала:

– Ладно, иди. Сейчас у вас математика начнется, не хочу,

чтобы ты еще и на следующий урок опоздал.

Максим понуро побрел на урок, кляня биологичку последними словами. Ишь ты, по душам поговорить захотелось. Кому нужны ее разговоры? Из-за нее теперь только новые неприятности могут возникнуть. Домашка-то по алгебре тоже не выполнена, вчера не до того было. Теперь и списать уже не успеть. А математичка баба нервная, чуть что, сразу в крик и к директору. А тот мужик суровый, с ним лишний раз лучше не встречаться.

Но сегодня, на его счастье, математичка ни разу не вспомнила о существовании Максима, видимо, решила побереечь свои нервы. На удивление спокойно прошли и другие уроки. Лишь под конец день омрачился неприятной встречей.

Уже на выходе из школы, в вестибюле, кто-то налетел на него сзади и с такой силой толкнул в плечо, что Максим едва не упал. Мальчик оглянулся. Обидчиком оказался Васька Белов из седьмого «Б». Этого парня с крепкими кулаками знала и побаивалась вся школа, даже в старших классах. Он был отчаянный драчун и задира, просидел в шестом классе два года. Вот кого бы надо воспитывать, а все на Максима напустились.

– Ты чего? – спросил Максим.

– Ничего, – просто ответил Васька, нагло глядя прямо ему в глаза. – Дай пройти.

Максим заметил девчонок из Васькиного класса. Сбившись в кружок, они наблюдали за этой сценой и хихикали.

Васькин наезд явно был рассчитан на привлечение их внимания. Эх, дать бы ему, чтоб с копыт слетел, да уж больно здоров, черт, к тому же за спиной маячат двое дружков, такая же шпана.

– Ну, проходи, – буркнул Максим, посторонившись.

Васька прищелкнул языком, явно недовольный миролюбием потенциального противника, но раздувать конфликт не стал, вышел за дверь. Дружки последовали за ним. Один из них резко замахнулся, сделав вид, что поправляет прическу. Максим отпрянул и лишь сжал зубы. Девчонки снова захихикали. Настроение было испорчено окончательно.

По дороге Максима догнал Колька.

– Макс, во двор вечером выйдешь?

Максим пожал плечами.

– Не знаю. Может и раньше придется выйти.

– Опять с Катькой поссорились, что ли?

– Да мы еще и не мирились.

– И чего вы все время грызетесь?

– Тебе не понять, – со вздохом ответил Максим. – Скорей бы уж папа с мамой вернулись.

– Долго им еще? – спросил Колька.

– Звонили, сказали, что месяца через два приедут, не раньше.

– Значит, вам с Катькой еще целых два месяца воевать, – Колька хохотнул. – Ничего, Макс, держись. Мысленно я с тобой.

– Тебе все смешки, а мне хоть домой не ходи. Слушай, Колька, может, к тебе пойдём.

– Да я б с удовольствием, Макс, но меня мать сейчас по магазинам потащит. Хочет меня на лето упаковать. Так что, сам понимаешь... Ты лучше ночевать приходи. Хоть от Катки своей отдохнешь. Вон, у тебя уж уши вялые от усталости. И уроки вместе сделаем. Ты, кстати, поднажми, старик, а то ведь и в самом деле на второй год загремишь.

– Ладно, ты еще меня воспитывать будешь. Разберусь как-нибудь. А насчет ночи, посмотрим. Бывай.

Ребята разошлись по домам.

Едва Максим переступил порог, по ушам резанул Каткин голос. Господи, как он ненавидел в последнее время этот голос. Нет, он не был визгливым, неприятным на слух, но это был голос Катки и именно это раздражало.

– Ну, хоть сегодня вовремя явился. Иди мой руки и за стол. Суп на плите, сам нальешь, мне уже некогда.

– Ладно, – пробурчал Максим.

– Кстати, где это ты вчера так вывозился? И штаны все разодрал.

– Чего это ты в моих вещах рылась? – недовольно спросил Максим.

– А стирать и шить сам себе будешь?! – возмутилась сестра. – Даже в комнате своей убратся не можешь, каждый день свинарник устраиваешь.

Максим промолчал, не желая усугублять отношения, пор-

тить свое, и без того не лучшее, настроение и драконить сестру. Значит, все-таки выстирала брюки и зашила. Ну ладно, хоть за это спасибо. Неплохо бы, конечно, еще вот эти штанишки выгладить, а то сегодня весь день в мятых проходил, как бомж. Ну да ничего, как-нибудь уж сами отутюжим, справимся, не запыхаемся.

– Все, мне на занятия пора, – продолжала сестра, уже выходя на лестничную площадку. – Вечером приду, чтоб дома был.

Максим снова промолчал. Придет она, как же. Опять, небось, с хахалем своим упрется куда-нибудь на дискотеку, явится в первом часу. А то еще с ним вместе домой завалятся, будут тут бродить, шушукаться, или «мафон» включат. Конечно, справедливости ради, надо заметить, что шумят они по-тихому, но ведь все равно слышно. А Максим человек такой, если уж ночью вдруг проснется, уснуть потом долго не может. А когда проснется, бывает, как назло, есть вдруг захочется и на кухню не пройдешь, эти двое сидят в большой комнате у телевизора, обнимаются в полутьме. Действительно, что ли, у Кольки заночевать?

Пообедав, Максим вымыл тарелку, прошел в большую комнату и забрался в кресло. Раскрыл было учебник по биологии, решил вдруг сделать приятное Вере Семеновне, но наука в голову не лезла, одолевали тягостные мысли. Отложив учебник в сторону, он потянулся за пультом, включил телевизор. Максим принялся бездумно щелкать по каналам,

но кнопки срабатывали через раз, сели батарейки.

Максим сполз с кресла, подошел к серванту, раскрыл верхние створки и потянулся туда рукой. Там, где-то с краю, насколько помнилось, должны были лежать запасные батарейки. Шарясь на ощупь, он нечаянно столкнул какую-то коробку. Та выпала из шкафа, из нее вывалились старые письма и рассыпались по полу.

Вздыхнув, мальчик принялся собирать письма обратно в коробку. На глаза попалось имя отправителя на одном из конвертов. Ого! Да это же от тети Тани, маминой двоюродной сестры. Максим никогда ее не видел, все, что он знал о тетке, это то, что она намного моложе своей сестры, то есть мамы, и живет в Москве – уехала туда в свое время учиться на журналиста да так там и осталась. Ну точно, письмо из Москвы. Чего это она, интересно, бумагу изводит, позвонить не могла, что ли? Хотя, судя по штемпелю, теткинemu письму уже пять лет, а им телефон только года три как поставили. Любопытно, что тетя Таня пишет? Чужие письма, конечно, читать нехорошо, это Максим отлично понимал, но, в конце концов, имеет же он право хоть так познакомиться со своей теткой, раз никогда ее не видел. Тетя Таня приезжала к ним как-то раз летом, но Максим тогда был в лагере. Все равно ведь никто не узнает. Он только краем глаза глянет и сразу же все на место положит.

Максим вынул из конверта пухлое письмо и развернул исписанные размашистым почерком листки. Оказывается, эта

тетя Таня изрядная болтушка, по крайней мере в письменном изложении. Пишет всякую дребедень, все собрала в одну кучу. Хотя, оно и понятно, они же с мамой столько лет не виделись. Судя по тому, что пишет тетя Таня, она только что закончила учиться на своем журфаке. В смысле не прямо сейчас, а тогда, пять лет назад. И вот делится впечатлениями. Она пока стажер в своей газете. Это Максиму было не очень понятно. Он видел таблички на трамваях: «за управлением стажер», но, хоть убей, никак не мог сейчас взять в толк, какое отношение может иметь трамвай к газете. И дальше тоже не совсем понятно, тете Тане поручили какое-то расследование по делу некоего Светлова. Что это еще за расследование такое? Разве журналисты ловят преступников как милиционеры? Вот, как чужие письма читать – не тебе адресовано, так ничего и не разберешь толком. Ну кто он такой, этот Светлов? Бандит, что ли? Видимо, да, раз комбинат какой-то спалил и тайгу поджег.

Максим внимательней вчитался в строки.

«...Знаешь, Юля, так не хочется ударить в грязь лицом, ведь это мое первое редакционное задание. А дело такое запутанное, настоящий клубок всяческих тайн. Редактор откопал его в каком-то архиве и поручил мне разобраться. Если сумею докопаться до истины, считай, что моя карьера состоялась. Этот Светлов пятнадцать лет назад руководил строительством комбината, между прочим, в наших краях, на Сабуре. Но что-то там случилось и он отдал приказ все сжечь.

Загорелась тайга, был большой пожар, погибло много людей. Светлова потом судили. Но вот какая странность, вроде бы люди погибли вовсе не от пожара. Мне удалось разыскать нескольких бывших рабочих, из тех, что строили комбинат, но толком я так ничего и не выяснила. Все как-то мнутя, будто чего-то боятся. Сначала я поняла так, что вспыхнула эпидемия страшной болезни, с которой можно было бороться, только огнем. Но один знающий человек проговорился, что из тайги на стройку напали полчища каких-то хищных жуков, которые поедали животных и людей. Но больше никто ничего не говорит. Такое впечатление, что просто боятся. А редактор при каждой встрече интересуется, как успехи, будто издевается. Не представляю, что мне дальше делать. Я кого только не расспрашивала, даже раскопала списки всех, кто там был во время тех событий. Между прочим у нас там должна проживать некая Светлана Юрьевна Казаринова. В то время она как раз была на практике на Сабуре, пострадала во время пожара, лечилась у нас и в Ленинград больше не вернулась. Ты бы не могла узнать, может она так и живет в нашем городе? Очень буду обязана. Вдруг она сможет что-нибудь рассказать.

А вообще, знаешь, Юля, я даже как-то увлеклась этим делом. Очень интересная история. Складывается впечатление, что Светлова осудили безвинно. Поджигая тайгу, он спасал тысячи людей: строителей и местных жителей. Хотелось бы восстановить торжество справедливости, вернуть человеку

доброе имя, хотя бы и посмертно, к сожалению, он давно умер. И жуки эти очень странные. Я советовалась со специалистами, все говорят, что в наших краях ничего подобного не существует и быть не может. Все-таки очень хочется распутать весь этот клубок загадок, показать нашим старым газетным зубрам, что и новички чего-то стоят...»

Эти слова Максима тоже слегка озадачили. Он слышал про «бумажных тигров», хоть и совершенно не понимал, что это такое. Оказывается, еще и какие-то «газетные зубры» существуют.

Дальше в письме уже пошло неинтересное, обычный девчачий треп: как дела, да как погода, всякая ерунда. Приветы передает мужу, то есть папе Максима, самому Максиму, Катке. Любопытно, докопалась тетя Таня до истины или нет. Может, ее эти бронтозавры газетные, или как их там, затоптали. И что это, интересно, за жуки такие. Надо будет как-нибудь спросить при удобном случае у биологички. Хотя нет, лучше не надо. Она училка молодая, наверняка неопытная, урок ведет и то все в книжечку поглядывает, да в конспектики свои. Вдруг ей про таких жучков ничего неизвестно, разнервничается, начнет на мозги капать, все прошлые грехи разом вспомнит. Нет, лучше уж не рисковать.

Максим сложил листки и сунул в конверт, потом собрал все письма в коробку и положил на место.

Вот жизнь у людей, подумалось ему. Взять хотя бы тетю Таню, ездит по стране, расследования какие-то проводит,

тайны распутывает. Или тот же Светлов. Максим читал о таких людях в книгах. Поди, строил мужик города, заводы, фабрики, комбинаты там разные. Тоже, наверное, всю страну объездил, на ровном месте из ничего дома возводил, в палатках мерз, с жуками вот какими-то боролся. Правда, для него все закончилось не очень хорошо, но все равно – романтика. Или вот, к примеру, папа с мамой. Они геологи, тоже всю жизнь на колесах, мотаются туда-сюда, все чего-то ищут. Максим и не помнил, чтобы они больше полугода дома проводили. Раньше его с сестрой бабушка воспитывала, а как ее не стало, дом взяла в свои руки Катька-заноза. Куда ни глянь, все интересно живут, только у него, Максима, сплошная рутина. Ну, ничего, развяжется со школой, поступит в мореходку или еще куда и только вы его и видели.

Грезы о будущей свободе и жизни, полной романтики, несколько улучшили настроение.

Глава четвертая

Максим одиноко бродил по пустым коридорам школы. Вот и все, учебный год закончился, завтра каникулы. Для всех, но не для него. Его «успехи» в учебе все-таки привели его сперва в кабинет завуча, а потом и к самому Каюрову, директору школы. Разговор был не из приятных. Директор долго внушал Максиму, что с его успеваемостью, он автоматически остается в том же классе на следующий год. Но все-таки мальчику дали еще один шанс, предстояло за июнь сдать все «хвосты».

После кабинета директора пришлось еще выслушивать классную. Та тоже долго взывала к его здравому смыслу, опять пыталась вызвать Максима на откровенный разговор. Вот упрямая баба! Никак не может понять, что Максиму вообще не нужны ее задушевные беседы. С ней вообще мороки больше всех. Мало того, что надо семь параграфов сдать, так еще и реферат ей какой-то подавай, который Максим не написал в свое время. И как раз по насекомым-вредителям, самая нелюбимая тема. Конкретно предмет реферата надо выбрать самому, а это еще труднее. Максим уж и не помнил, кто они вообще такие, эти вредители. Саранча, что ли?

Черт, лето будет трудным. И помощи-то ждать неоткуда. Был бы папа дома, помог бы, все разъяснил. У него ума палата. Но родители далеко, дома только Катька, а она лишь

зудеть может. Из-за нее и домой идти не хочется, вот и бродит по школе.

Спустившись на первый этаж, Максим неожиданно наткнулся в вестибюле на Ваську с друзьями. Парни толкали друг к другу мальчишку младшеклассника. Тот перелетал по кругу, едва не падая, и кричал, чуть не плача:

– Отстаньте, дураки! Уроды!

Максим никогда бы не решился вмешаться в подобную ситуацию. Нет, он не считал себя трусом, просто предпочитал обходить стороной всякую шпану. Но в этот раз он почему-то не смог пройти мимо.

– Эй, вы чего к нему привязались?! – крикнул он, неожиданно даже для самого себя.

Васька ухмыльнулся и толкнул малыша под ноги Максиму. Тот растянулся на полу, Максим помог ему подняться.

– Иди домой, – сказал Максим малышу.

– Они у меня часы отобрали, – пожаловался тот, шмыгнув носом.

– Отдайте часы, – потребовал Максим, Впрочем, не слишком решительно.

– А ты заberi, – нагло ответил Васька.

Максим подошел к нему вплотную, кляня малыша в душе последними словами. Вот придурок, от горшка два вершка, а туда же, уже с часами ходит. Перед друзьями, поди, выпендриться хотел, пофасонить. Еще бы пейджер с мобилой нацепил.

Стараясь придать голосу твердости, Максим повторил:

– Отдай.

– На!

Резкий неожиданный удар в солнечное сплетение согнул Максима пополам. Васька и его дружки набросились на него, молотя кулаками и ногами. Максим слабо отбивался, больше прикрывая руками голову. Младшеклассник со страхом наблюдал за избиением, открыв рот. Это уже была не просто потасовка, а драка, самая настоящая, с кровью, синяками, шишками и руганью.

В самый разгар побоища, когда Максим уже не чувствовал собственного тела, Васька вдруг отлетел в сторону и влип в стену. Двое его приятелей повисли в воздухе, беспомощно болтая ногами. Максим сел на полу, не чувствуя в себе сил подняться.

Над ним возвышался незнакомый мужчина лет сорока на вид. Без всякого видимого напряжения он легко удерживал за шиворот обоих парней над полом.

– Чего хулиганите? – угрюмо поинтересовался мужчина.

Он отпустил Васькиных дружков и продолжал:

– Расходитесь по домам.

– Пусть часы отдадут пацану, – прохрипел Максим, тяжело дыша.

– Пусть отдадут, – как-то механически произнес незнакомец, словно соглашаясь.

Васька поднялся на ноги, достал из кармана часы малыша

и со злостью швырнул их в стену. Мужчина перехватил часы на лету, при этом ни один мускул не дрогнул на его лице и сам он оставался неподвижен, лишь шевельнул рукой, даже не поглядев на то, что ловил. Незнакомец отдал часы мальчишке и сказал:

– Иди домой.

Малыш схватил свои часы и, даже не поблагодарив, убежал. Васька с приятелями тоже направился к выходу. Васька хмуро пообещал Максиму на прощание:

– Встретимся еще.

Незнакомец взглянул на Максима, все еще сидевшего на полу, и бесстрастно произнес:

– Ты тоже иди домой.

Максим кивнул. Мужчина обошел его и зашагал прочь. В конце коридора он обернулся, снова посмотрел на парнишку. Тот по-прежнему сидел на полу, повесив голову. Незнакомец вернулся. Одной рукой он подобрал сумку Максима, другой поднял на ноги его самого.

– Чего вам надо? – возмутился мальчик.

– Почему ты домой не уходишь? – спросил мужчина. – В школе тебе, вроде, делать нечего, все уже разошлись.

– А вам-то что? – огрызнулся Максим. – Мешаю, что ли?

– Тебя дома никто не ждет? – продолжал допытываться незнакомец. – Или совсем идти некуда? Ты где живешь?

– Ухожу я, ухожу, – пробурчал Максим. – Отстаньте.

Он закинул сумку за плечо и поморщился, все тело боле-

ло. Максим осторожно потрогал свой нос, на руке осталась кровь. Вся рубашка спереди тоже была испачкана кровью. Вот влип. И кто просил вмешиваться в чужие разборки? Шел себе мимо, ну и шел бы. Теперь с разбитой рожей по улице идти, а дома еще Катька скандал закатит. И мужик этот привязался, как будто без него проблем мало.

Между тем «мужик» позвал Максима кивком головы и произнес:

– Идем со мной.

Он зашагал по коридору, не оборачиваясь. Максим постоял некоторое время в нерешительности, потом пожал плечами и направился вслед за незнакомцем.

Мужчина привел его в помещение сторожки в конце коридора. Это была маленькая квартира с комнаткой и кухней.

Увидев себя в зеркале, Максим ужаснулся: нос был разбит, из рассеченной брови сочилась кровь, правый глаз припух, губы тоже распухли. Рожа действительно была основательно расквашена, хорошо хоть, что все зубы на месте остались.

В своей кухоньке незнакомец усадил Максима на табурет, потом набрал в ковш теплой воды, высыпал туда марганец и еще что-то и размешал. Смочив в растворе полотенце, он осторожно обтер лицо мальчика. Максим только морщился, иногда чувствуя боль.

– Терпи, – произнес незнакомец.

– Хорошо меня отделали? – попытался пошутить Максим.

– Жить будешь.

Странно, мужчина, вроде бы, ответил на шутку, но в голосе его не слышалось ни тени иронии, лицо оставалось суровым и взгляд был серьезен.

– Вы сторож? – спросил Максим.

Незнакомец кивнул.

– Я вас раньше не видел.

– Я недавно здесь работаю. И, в отличие от тебя, в неурочное время по школе не шляюсь. Мое рабочее время – ночь.

– А говорили, что милиция охранять будет.

– Я дешевле. И надежнее.

Сторож отложил полотенце, посмотрел на своего пациента и произнес:

– Стало лучше. Раньше ты, наверное, был симпатичнее, но, в конце концов, могло быть и хуже.

Максим снова посмотрел в зеркало. Лицо было уже не такое страшное, но следы побоев проступали слишком явно, объяснений с сестрой не избежать. А стало быть – новый скандал, очередная нервотрепка. Тяжело вздохнув, Максим протянул:

– Да-а-а...

– Шрамы украшают мужчину, – невозмутимо сказал сторож. – Так, по крайней мере, утверждают некоторые. Но я не хотел бы оказаться на твоём месте.

И опять невозможно было понять, шутит он или говорит серьезно.

Максим посмотрел на свою рубашку, она была безнадежно испорчена. Мальчик снова вздохнул. Нет, в таком виде возвращаться домой совсем не хотелось. Неплохо бы оттянуть встречу с сестрой. Если прийти домой попозже, можно будет отложить разборку до утра. Но и здесь оставаться как-то неудобно, сторож и так уже достаточно помог ему. Придется, видимо, опять шляться по улицам допоздна.

Максим потянулся было за своей сумкой, но сторож вдруг открыл хлебницу, достал оттуда тарелку с бутербродами и поманил мальчика рукой.

– Есть хочешь?

Предложение оказалось своевременным. Максим вдруг почувствовал голод, кроме Каткиной яичницы, проглоченной утром наспех, во рту маковой росинки не было. Максим подсел к столу. Сторож поставил перед ним стакан с чаем, придвинул сахарницу.

– Меня Максимом зовут, – решил познакомиться мальчик.

Сторож кивнул, но ответного представления не последовало.

– А вас? – спросил Максим.

– Александр, – не сразу ответил сторож. – Петрович.

– Вы здесь живете? – продолжал расспрашивать Максим. Сторож снова кивнул.

– А вы неразговорчивы, – заметил Максим.

– Просто не привык разговаривать, – ответил Алесандр

Петрович. – Я давно живу один.

– У вас нет семьи, нет дома? – удивился мальчик.

Впервые на лице мужчины проявились эмоции, в его глазах Максим увидел печаль. И опять сторож ответил не сразу.

– Мой дом далеко. И свою семью я не видел уже очень давно.

Максим кивнул, не зная, что сказать. Этот неулыбчивый мрачный человек, почему-то был ему симпатичен. Может быть, сказывалось родство душ, ведь этот человек был так же одинок, как и сам Максим. Правда, одиночество Максима по большей части было надуманным, хоть он и не очень-то осознавал это. У него были и дом, и семья и приятели, просто в последнее время мальчик не встречал понимания.

– Скучаете? – осторожно спросил Максим.

– Нет, – ответил сторож после недолгой паузы. – Уже привык.

Заметив, что мальчик уже расправился с бутербродами, Александр Петрович спросил:

– Еще чего-нибудь хочешь?

– Нет, спасибо.

– Тебя дома не потеряют?

Приняв его слова за намек, мальчик вздохнул и потянулся за своей сумкой.

– Да, пожалуй, я пойду. Приятно было познакомиться. И спасибо, что помогли там, в холле.

– Я тебя не гоню, – произнес сторож.

– Тогда можно, я посижу у вас еще немного?

Сторож кивнул.

– Оставайся, сколько захочешь. Лишь бы дома тебя не потеряли.

– Не потеряют, там никого нет, – солгал Максим.

Конечно, дома Катька, вся на нервах, ждет, когда братишка вернется и злится. Но лучше уж тут пересидеть, чем выслушивать ее зудение. Может, ближе к вечеру свалит из дому вместе с Игорьком, можно будет прошмыгнуть незаметненько. А утром они с сестрой уж как-нибудь разберутся. Сейчас пока не стоит думать о плохом.

– Хорошо, – кивнул сторож. – Подожди меня немного. Я должен обойти школу и запереть все двери.

Сторож вышел. В ожидании его мальчик сидел некоторое время на табурете, потом поднялся, заглянул в комнату. Обстановка была более, чем скромная: аккуратно застеленная кровать и большой стол у окна. И стол, и подоконник сплошь были заставлены стопками книг, журналов, газет, каких-то бумаг. Движимый любопытством мальчик несмело вошел в комнату, предварительно оглянувшись на входную дверь.

Здесь не имелось ничего, что говорило бы о прошлой жизни Александра Петровича, ни фотографий, ни чего-либо еще. Максим подошел к столу, разобрал пару стопок. Это были книги по энтомологии, журнальные статьи, газетные заметки, запросы в редакции и университеты, ответы. Некоторые даже на иностранных языках. И все о насекомых.

В недоумении мальчик потерял подбородок. Всюду его эти жучки-паучки настигают. Биологичка достает каждый день, вот и сторож туда же. Ему-то зачем это нужно? Был бы профессор какой-нибудь или наоборот студент, а то ведь простой школьный сторож.

Максим еще некоторое время покопался в бумагах. Да, все здесь, в той или иной степени, касалось насекомых. В журналах и газетах заметки на соответствующую тему были специально отмечены красным карандашом. Книжные страницы также пестрели пометками. Впрочем, некоторые издания относились вовсе не к насекомым, тут была литература по биохимии, микробиологии, даже астрономические каталоги, касающиеся метеоритов, когда-либо бомбивших поверхность Земли.

Когда сторож вернулся, Максим уже снова сидел в кухне на табурете.

– Не скучаешь? – спросил Александр Петрович.

Максим пожал плечами и ответил:

– Да ничего. Хотя у вас тут действительно скучновато. Даже телевизора нет.

– Он мне не нужен, потому его и нет. Жизнь и без того достаточно интересна.

– Да уж, – фыркнул Максим. – Чего в ней такого интересного?

– Много чего, – неопределенно ответил Александр Петрович. – Вы все слишком торопитесь жить и в погоне за эфе-

мерными мечтами не замечаете того прекрасного, что вас окружает. Остановите свой бег, присмотритесь внимательно к этому миру, прислушайтесь к жизни. Тогда, быть может, наконец, сумеете различить то, что все время ускользает от вашего внимания.

Максим хмыкнул в недоумении. Он вроде бы не замечал за собой излишней торопливости и спешки. Наоборот, в последнее время жизнь его протекала как-то вяло и уныло. Хотя, если вдуматься, в чем-то сторож прав. Ведь он говорит образно, вряд ли его слова следует понимать буквально. Если разобраться, Максим действительно с головой ушел в мир грез и собственных фантазий, настоящее его не интересует, кажется тягостным и унылым. Он мечтает о будущем, светлом и радостном, полном романтики дальних странствий и увлекательных приключений.

– Вы растрчиваете жизнь на бесполезную суету, не цените отпущенных вам мгновений, – продолжал Александр Петрович. – Становитесь жертвами собственных страстей и амбиций, губите себя сами. Взять хотя бы сегодняшний случай. Чего вы сцепились там? Чего не поделили?

– Да это Васька был со своими друзьями, – нехотя ответил Максим. – Они ко всем цепляются. Они у того малявки часы отняли. Вот я и вмешался, маленьких же защищать надо.

– Мне кажется, ты не уверен в том, что говоришь, – заметил Александр Петрович.

Максим хмыкнул и почесал в затылке.

– Ну, не знаю, может, и так. Ну, то есть... Нет, слабых и маленьких, которых обижают, надо защищать, это я знаю. Вообще надо помогать людям. Но я, честно говоря, вовсе не хотел с Васькой связываться. Сам не знаю, чего вдруг за этого малявку заступился.

– Разве нельзя было все уладить миром? – спросил сторож.

– Ну да! Это же Васька, он всегда сам в драку лезет. Его вся школа боится. Что же я должен был делать?

– Не вмешиваться, – бесстрастно ответил Александр Петрович. – У тебя не было никаких шансов одолеть троих противников. Я вмешался в вашу потасовку потому, что сильнее их всех, вместе взятых. Твой же поступок был абсолютно неоправдан. Прежде надо было подумать о самом себе, ведь тебя могли искалечить.

Максим несколько опешил. Позиция Александра Петровича показалась ему откровенной трусостью, чего мальчик никак не мог ожидать от этого сурового и такого внушительного на вид человека.

– Значит, по-вашему, я должен был бросить того мальчишку? – в недоумении спросил Максим. – И пусть бы над ним измывались?

– Он сам виноват, что не смог избежать встречи с ними. А уж если так случилось, должен был уступить. Это основной закон жизни – слабый уступает сильному, выживает сильнейший. Происходит естественный отбор.

Максима самого порой посещали подобные мысли, особенно когда предстоял выбор – вступить в схватку с более сильным или смолчать и пройти стороной. Но услышав такие слова со стороны, мальчик возмутился:

– Как же можно так рассуждать?! А как же взаимовыручка, благородство... не знаю... честь, наконец, – Максим чуть смутился, почувствовав, что понес высокопарную ахинею. – Мы же люди, а не звери! Нет, я не согласен.

– Можешь не соглашаться, – равнодушно произнес сторож. – Я лишь высказал свое личное мнение. Свою жизнь ты должен прожить сам.

– А вы сами неужели никогда не дрались? – спросил Максим.

Александр Петрович ответил не сразу. Он словно вспоминал что-то.

– Только однажды, – наконец признался он. – Но это было очень давно. Я исполнял свой долг и от этого зависела моя жизнь и жизни еще многих... людей.

– И вы победили?

– Да, – кивнул сторож. – Но справедливости ради должен заметить, что в той схватке я не был сильнейшим. Мне просто повезло.

– Значит, все-таки можно победить и сильного, – сделал вывод Максим. – И совсем необязательно уклоняться от драки. Мой папа говорит, что за правое дело всегда стоит бороться.

Сторож впервые улыбнулся.

– А ты упрям в споре. Что ж, это твое мнение, я же останусь при своем. На мой взгляд, не следует лезть в драку, если можно уклониться от боя. Не стоит становиться жертвой ложных понятий о трусости, не следует путать ее с благородием. Вижу, что мои слова для тебя звучат неубедительно и даже неприятно. Не буду с тобой спорить. Жизнь сама тебя всему научит.

Максим, напротив, был не прочь поспорить, философия Александра Петровича задела его за живое. Однако он смолчал. В конце концов, этот человек пришел ему на помощь и дал временный приют, вступать с ним в словесную перепалку показалось как-то уж чересчур бестактным и невежливым. Возвращаться домой по-прежнему не хотелось и Максим решил продолжить беседу, переменив тему.

– Александр Петрович, чем вы занимаетесь? – спросил он.

– Сторожу, – коротко и равнодушно ответил мужчина.

– Нет, а кроме этого?

– Да в общем-то ничем.

– А кем вы раньше были? – продолжал допытываться мальчик.

– С чего вдруг такой интерес к моей персоне? – спросил Александр Петрович.

– Так просто, – уклончиво ответил мальчик, пожав плечами, и умолк.

Однако вскоре он не вытерпел и признался:

– Извините, но когда вас не было, я заходил в вашу комнату. Я ничего не брал, честное слово. Просто посмотрел. Извините.

– И что же там увидел? – спросил сторож.

– Ну, у вас там столько литературы всякой и в основном все об одном и том же. Букашками интересуетесь?

– Я интересуюсь многими науками. Но в последнее время меня действительно занимают насекомые, их хищные виды.

– А вот у меня с науками никак, – пожаловался Максим. – Директор и завуч наседают, грозятся на второй год оставить, если все «хвосты» не сдам и отметки не исправлю. Как я все сдавать буду, не представляю. И так уже голова пухнет.

– Разве некому помочь тебе заниматься? – спросил сторож.

– Нет, – мальчик покачал головой. – Родители сейчас далеко и вернутся не скоро, а сестре не до меня.

– Кстати, о сестре, – напомнил Александр Петрович. – Уже поздно, она, наверное, беспокоится о тебе.

– Катька-то?! Да ей на меня наплевать! Она обо мне вспоминает, только когда хочет поскандальить.

– Ты не очень-то любишь свою сестру, – заметил Александр Петрович.

– А за что ее любить? Кроме вреда от нее больше ничего нет.

– Все равно ты должен предупредить ее, где находишься. Не хочу оказаться в центре ваших семейных скандалов.

Неприятности мне не нужны. Идем, позвонишь домой из учительской.

– Да нет, не нужно, – отказался мальчик. – Я и в самом деле слишком у вас задержался. Пойду домой.

Сторож проводил его до входной двери и выпустил на улицу.

– До свидания, – попрощался Максим.

– Приходи завтра с утра, – вдруг сказал сторож. – Я помогу тебе позаниматься.

Максим в недоумении уставился на мужчину, он совсем не ожидал такого предложения.

– Или ты все-таки хочешь остаться на второй год?

– Нет, конечно, – поспешно ответил Максим. – А вы правда можете?

– Помогу. Приходи обязательно. До завтра.

Максим отправился домой, размышляя о своем новом знакомом. Станный, все-таки, мужик. Живет одиноко, замкнуто. На голубого, вроде, не похож. Больше на монаха смахивает, здоровый, как Арнольд, а всего боится: и драк, и неприятностей. Но вдруг действительно поможет. Больше сейчас рассчитывать не на кого. А он хоть и со странностями в голове, но все же мужик не злой, есть в нем что-то хорошее. Давно уже Максим не испытывал симпатии к людям, тем более вот так сразу, с первых же часов знакомства.

Глава пятая

Максим осторожно закрыл входную дверь, стараясь не шуметь. И все равно сестра услышала его. Вот невезуха! Когда не надо, она по дискотекам шляется, а сейчас, как назло, дома сидит. И, конечно же, не одна, опять дружка своего притащила. Что ему, жить негде, что ли? И спит, и жрет здесь.

– Ты где был? – спросила Катька.

Она включила свет в прихожей и ахнула, увидев лицо брата:

– Кто это тебя так?!

– Да так, – неохотно ответил Максим. – Отношения выясняли.

– Какие еще отношения?! Сколько раз я тебе говорила, не шляться по улицам! Сейчас столько всякой шпаны развелось. А ты меня совсем не слушаешься. Случится что, кто отвечать будет?

– Отстань, Катька, – отмахнулся Максим. – И так день тяжелый был. Завтра поговорим.

Он попробовал было прошмыгнуть в свою комнату, но сестра удержала его.

– А у кого день был легкий? Я, между прочим, не на пляже весь день провела. Пока ты дурака валяешь, я и в технике учусь, и по дому работаю. И на меня, между прочим,

преподаватели не жалуются.

– Опять классная звонила, – догадался Максим.

– Да она сюда уже приходила. Ты что, совсем оборзел, братишка? Ты чем в школе последнюю четверть занимался? Ты знаешь, что тебя на второй год оставить собираются? Что, уже последний ум прогулял? А может, сам уже со шпаной связался? Может, еще и воровать начал?

– Ну, понесло, – пробурчал Максим. – Еще наркоманом меня назови. Совсем крышу сорвало.

– Отвечай, с кем дрался? – потребовала Катя.

– Да отстань ты! – крикнул Максим, не выдержав.

Из кухни появился Игорь, друг сестры и ее сокурсник по техникуму. В руке он держал надкусанный бутерброд. Ну точно, опять в их холодильнике пасется.

– Вы чего разгалделись? – с усмешкой поинтересовался Игорь. – Кать, отстань от пацана.

– А ты не лезь! – со злостью огрызнулась девушка. – Я с братом разговариваю.

– Чего ты злишься-то так? – оскорбленно спросил Игорь. – Макс уже не младенец, сам со своими проблемами разберется. Нечего ему сопلي утирать.

– Тебе сказали, не лезь! – в свою очередь огрызнулся Максим.

– А ты заткнись! – приказала Катя брату.

– Сама заткнись! Водишь тут всяких, квартиру в общежитие превратила! И мне жизни не даешь! Я же к тебе не лезу!

Тащи его в свою комнату и трахайтесь там на здоровье, а от меня отстаньте!

Максим тут же пожалел о сказанном, но было уже поздно. Катерина влепила брату такую пощечину, что у того на миг потемнело в глазах.

– Да пошли вы все! – крикнул он, снова разозлившись.

Рванув дверь, Максим выбежал на лестницу и помчался вниз, прыгая через три ступеньки. Сестра выбежала следом.

– Макс, вернись! Вернись сейчас же!

Но Максим уже не слышал ее. Выбежав из подъезда, он быстрым шагом пошел по улице, не разбирая дороги. Щека горела от пощечины, но гораздо большее жгла обида на сестру, на себя самого. Пожалуй, сегодня в своих перепалках брат и сестра зашли слишком далеко. Максим не помнил случая, чтобы сестра когда-либо поднимала на него руку. Не было такого никогда. Наоборот, в раннем детстве она всегда поддерживала младшего братишку, всячески оберегала его от всех невзгод, заботилась о нем. А вот теперь ударила. Конечно, Максим сам перегнул палку, но и сестра виновата, она же довела его до белого каления. И все равно, какое право она имела распускать руки?! Ничего, вот папа вернется, он ее наставит на путь истинный. Впрочем, Максиму тоже не избежать отцовского воспитания. А в этом будет мало приятного. Папа хоть и представитель интеллигенции, но все же в гневе становится сторонником радикальных мер в деле воспитания потомства. Пороть, наверное, не будет, но

наказание придумает суровое.

Но это все в отдаленном будущем. А вот как быть сейчас? Куда идти? Не домой же, после всего, что случилось. С Катькой он теперь под одной крышей жить не сможет. Ни за что! Во-первых, обиделся, так ему залепила, да еще и на глазах у этого выпендренника Игорька. А во-вторых, все-таки стыдно, оскорбил сестру незаслуженно. Ну заходил к ним Игорь несколько раз, ну заночевал однажды. Что тут такого-то? Можно было и смолчать. Сестра ведь действительно уже взрослая и у нее своя взрослая жизнь. Что с того, что Максиму не нравится ее избранник? Не ему же жить с этим насмешливым пижоном. А то, что Катька зудит все время, так это, наверное, от беспокойства за него, Максима. Ведь не бросила же она братишку на произвол судьбы, и готовит ему, и стирает, и убирает. Можно было бы и закрыть глаза на ее несносный характер.

От сознания собственной неправоты становилось еще горше, слезы наворачивались на глаза. Проклиная свою несдержанность и занудство сестры, Максим бродил по улицам до самой темноты. Вернуться домой он так и не решился, зашел к Кольке, заметил с улицы, что у того свет горит в комнате.

Дверь открыл сам Колька. Увидев лицо приятеля, он на миг опешил, потом воскликнул:

– Вот это да! С Катькой бился?! Неужто это она тебя так отделала? Во зверюга! Знал я, что у вас все дракой закончится, но чтобы так..!

– Да не она это, – отмахнулся Максим. – Слушай, Колян, можно, я у тебя эту ночь перекантуюсь? Только матери своей меня не показывай, не надо, чтобы она меня с такой рожей видела.

– Что значит «не показывай»? – не понял Колька. – Под коврик тебя, что ли, засунуть?

Увидев унылую гримасу на лице приятеля, Колька рассмеялся.

– Ладно, заходи. Мамы нет, она на дежурстве. Только утром домой придет.

Максим сразу повеселел. Мама у Кольки была хорошая женщина, душевная и заботливая и к Максиму относилась тепло. Но все же предстать перед ней в таком виде не хотелось. Начнутся расспросы: что, где, как и при каких обстоятельствах? Она ведь капитан милиции, не как-нибудь.

– Рассказывай, кто тебя так отоварил? – потребовал Колька, проводив друга в свою комнату.

Максим вкратце рассказал о своей стычке с Васькой. О знакомстве со сторожем он умолчал. Александр Петрович был для него пока загадкой, мальчик еще не определил свое отношение к нему и поэтому предпочел не рассказывать приятелю о странном человеке, появившемся в школе, и его непривычной философии.

Поведал Максим и о своих непростых взаимоотношениях с сестрой и последней ссоре.

– Да, дал ты маху, Макс, – сказал Колька, выслушав това-

рища. – И что теперь делать собираешься?

– Не знаю, – вздохнул Максим.

– Сегодня у меня переночуешь, ладно. А завтра куда? Я ведь утром уезжаю. Мать меня на лето к бабке в деревню отправляет. Слушай, Макс, а поехали со мной! У Катьки мы тебя отпросим. Она, наверное, только рада будет от тебя избавиться.

Максим снова вздохнул.

– Я бы с удовольствием, Колян, но ты же знаешь, меня на осень оставили. Теперь день-деньской зубрить придется, сдавать все.

– Гранит науки грызть будешь! – хохотнул Колька.

– Тебе смешно, конечно.

– Ладно, не бурчи. Но я же тебе говорил, старик, берись за ум. А ты все отбрыкивался. Вот и доигрался. Сам себе такие каникулы заработал.

– Ты-то хоть не воспитывай. Дай лучше пожрать чего-нибудь.

– Пошли на кухню. Кстати, а Катька знает, что ты у меня?

– Да ей наплевать, где я ночую.

– Что-то слабо верится.

Запихнув друга на кухню, Колька взялся за телефон. Максим не слышал о чем он говорил, но понял, что приятель звонит его сестре. Присоединившись к другу на кухне, Колька нырнул в холодильник в поисках чего-либо съестного и уже оттуда сказал:

– Можешь не нервничать, Катька тебя на ночь отпустила.

– Никто и не переживал, – ответил Максим с напускной пренебрежительностью.

– Ну да, конечно, – пробормотал Колька, вытаскивая из холодильника большое блюдо с салатом. – Между прочим, она сказала, что уже не сердится на тебя и ждет дома. Так что утром можешь смело возвращаться домой.

– Тебе что, больше говорить не о чем?

– Не рычи, я ж за тебя беспокоюсь, балда. Вот уеду завтра, на кого тебя оставляю? Куда денешься?

– Не бойся, не пропаду.

– Да уж вижу по твоей роже, как ты не пропадешь. Кстати, выбрось свою рубаху, я тебе лучше футболку дам.

Спать мальчишки улеглись поздно, просидев за разговорами и видеофильмами. Несмотря на это, Максим поднялся рано утром, встречаться с Колькиной мамой все-таки не хотелось. Попрощавшись с Колькой и пожелав ему отличного отдыха в деревне, Максим ушел.

Возвращаться домой он не стал, просто гулял по улицам, посидел на скамейке в сквере. Можно было бы провести время в кафешке, была тут поблизости одна, что открывается спозаранку. Да только вот денег не было. Катька не слишком баловала братишку, из того, что присылали родители, выдавала крохи. Себе-то на косметику, да на дискотеки, небось, побольше выделяла. И шмотками новыми вряд ли на стипендию прибарахлаась.

Когда гулять надоело, Максим направился в школу. Центральный вход был закрыт, но боковая дверь оказалась незапертой. Максим вошел внутрь. По коридору он прошел до квартирки сторожа, постучал в дверь. Никто не ответил. Мальчик постучал сильнее.

– Там никого нет, – послышалось сзади.

Максим обернулся. Позади стоял Александр Петрович.

– Здравствуйте, – несколько смущенно поздоровался Максим. – Я, наверное, слишком рано?

– Здравствуй, – ответил сторож. – Обычно в выходные дни дети в это время еще спят или только-только просыпаются. Но раз уж пришел, заходи.

Александр Петрович толкнул дверь и провел мальчика в комнату.

– Итак, чем займемся? – спросил сторож.

– Вчера вы обещали, что поможете мне подтянуться по учебе, – нерешительно напомнил Максим.

– Помогу, – подтвердил сторож. – Но ты, я вижу, пришел налегке.

– Да, – вздохнул Максим. – Вечерок вчера выдался нелегкий.

– Но ты хоть помнишь свое задание на лето?

– Еще бы! Такое разве забудешь.

– Что ж, тетрадь и ручка у меня найдутся. А учебники...

Идем в библиотеку.

Глава шестая

Все учителя были удивлены неожиданным всплеском способностей у Максима. Последние два месяца он учился из рук вон плохо, теперь же за пару недель сумел наверстать упущенное.

Благодарить же за это в первую очередь следовало нового знакомого Максима. Александр Петрович оказался человеком весьма образованным. Он многое знал и главное – умел доходчиво объяснять. Казалось, сторож имел познания во всех областях науки, он был сведущ в вопросах физики, химии, алгебры и геометрии, неплохо разбирался в биологии и географии. Он не владел лишь историей, но как раз с этим предметом Максим прекрасно справился сам.

Максим был очень удивлен широкими познаниями Александра Петровича. Он никак не мог взять в толк, почему человек с таким мощным интеллектом предпочитает работать простым школьным сторожем. Сам Александр Петрович уклонялся от ответа на этот вопрос.

Но, как бы там ни было, с помощью Александра Петровича Максим быстро избавился почти от всех своих «хвостов». Оставалось, по его мнению, самое трудное, этот чертов реферат о вредителях. Почему-то биологичка особо настаивала на выполнении именно этой части своего задания. А Максим все никак не мог определиться, каких таких насекомых

выбрать для описания, как подступиться к делу и выполнить задание так, чтобы Вера Семеновна надолго отвязалась.

Максим поделился своими трудностями с Александром Петровичем. Не желая общаться с Катькой, он теперь почти все время проводил в школе в компании сторожа. Вот и в этот раз они сидели в лаборатории позади кабинета физики, где Александр Петрович собирал какой-то прибор. Выслушав Максима, сторож сказал:

– Не понимаю, в чем твоя проблема. Сходи в библиотеку, возьми энциклопедию, там все доступно написано.

– Да я даже не знаю, о каких вредителях ей написать.

– А ты не мудри, ты ведь не диплом защищаешь. Не надо сочинять диссертацию, подходи к делу проще. Изложи своими словами научные сведения о гусеницах, колорадских жуках или что-нибудь в этом роде.

– Это как-то не интересно, все избито. У нас каждый второй такое писал. Биологичку этим не удивить. Хочется чего-то такого... Еще не знаю какого.

– Вот и определись. Тут уж я тебе помочь ничем не могу, думай сам.

– Думаю, – невесело сказал Максим.

Некоторое время он молча наблюдал, как Александр Петрович орудует паяльником, потом спросил:

– А что это вы делаете?

– Хочу проверить на практике одну теорию, – неохотно ответил сторож. – Ты не отвлекайся, свою проблему решай.

– Вы, прямо, как мой отец, – со вздохом сказал Максим. – Он тоже все время говорит, что за меня мои проблемы никто не решит и я должен думать сам, не отвлекаясь на посторонние дела. Скорей бы уж они с мамой возвращались из своей экспедиции.

– Скучаешь по родителям? – спросил Александр Петрович.

– Да, немного. Мы не часто видимся в последнее время. Они геологи, постоянно где-то в разъездах. Побудут дома с полгода и опять уезжают куда-нибудь, то в тайгу, то в Питер, там у них начальство какое-то большое. Мама все обещала нас с Катькой в Москву свозить, там у нее сестра двоюродная живет, но...

Максим вдруг осекся и задумался.

– Что-то вспомнил? – спросил сторож.

– Ага! – воскликнул мальчик. – Кажется, я знаю, чем удивить Веру Семеновну!

– И чем же?

Максим рассказал о старом письме тети Тани и тех жуках, что напали на стройку в тайге. Александр Петрович внимательно выслушал мальчика. Похоже, его заинтересовала эта история, он даже паяльник отложил в сторону.

– Где же это произошло? – спросил сторож.

– Да я уже не помню, – ответил Максим. – Тетя Таня упоминала об этом вскользь. Но она писала, что здесь у нас живет какая-то тетка, которая там была. Если б ее найти...

– Как же ты будешь ее разыскивать? – снова спросил сторож.

Максим озадаченно почесал в затылке, потом неуверенно сказал:

– Мама страшная аккуратистка. Если она нашла для тети Тани адрес той тетки, наверняка он где-нибудь записан. Надо поискать дома.

– А если нет?

– Ну-у, попрошу Колькину маму, она в милиции работает. Она ко мне хорошо относится, наверняка не откажет. Только надо еще раз в письмо заглянуть, я уже забыл, как ту тетку зовут. А вы мне поможете, если что?

– Помогу, – кивнул Александр Петрович. – Ты лучше принеси это письмо сюда. Посмотрим вместе. Может быть, ты что-нибудь упустил.

– Хорошо, – согласился Максим. – Вы только представьте, какой реферат убойный получится! Биологичка просто обалдеет!

– Да уж, – ответил Александр Петрович. – Только ведь эти насекомые, насколько я понял из твоего рассказа, вовсе не вредители.

– А кто же? – удивленно спросил Максим.

– Хищники. Из того, что ты рассказал, можно сделать вывод, что эти насекомые схожи с плотоядными муравьями-кочевниками, но они не живут в тайге. Вообще, насколько мне известно, подобных жуков в природе не существует.

– Тетя Таня тоже что-то такое писала. Но их же видели, значит, они есть. А то, что хищники, так это не беда. Что, хищники вредителями не могут быть, что ли? Пользы ведь от них нет никакой, один вред.

Александр Петрович не смог сдержать улыбку, слушая рассуждения мальчугана.

– Хорошо, давай попробуем разыскать ту женщину, – произнес он. – Может быть, она прояснит ситуацию.

В этот день Максим перерыл все бумаги в верхнем отделении серванта, благо Катьки не было дома, и нашел в старенькой записной книжке мамы то, что искал – адрес Светланы Казариновой. С этой книжкой и письмом тети Тани он на следующее утро явился к Александру Петровичу.

Сторож внимательно изучил письмо, даже конверт тщательно осмотрел, потом прочитал записку с адресом и сказал:

– Что ж, действуй. Только не затягивай, времени у тебя не так уж много. Вера Семеновна долго ждать не будет. Кстати, по этому адресу ты мог сходить еще вчера.

Максим замялся.

– Что такое? – спросил Александр Петрович.

– Не знаю, как начать. Что я ей скажу?

– Как есть, так и скажешь.

Видя, что Максим вовсе не горит энтузиазмом, сторож произнес:

– Если хочешь, я могу сходить с тобой.

– Это было бы здорово! – сразу оживился Максим. – Один я как-то стесняюсь.

– Тогда идем прямо сейчас, – решил Александр Петрович. Мальчик и сторож отправились на поиски. По имеющемуся адресу дома никого не оказалось, но словоохотливая соседка подтвердила, что здесь действительно проживает Казаринова, только ее сейчас нет, ушла на работу в свою библиотеку и придет только на обед. Подробно расспросив соседку, Александр Петрович с Максимом направились в центральную библиотеку.

Войдя в просторный светлый холл, мальчик совсем растерялся и поиски Казариновой пришлось полностью взять на себя Александру Петровичу. Просто повезло, что он так близко к сердцу принял заботы Максима.

По просьбе мужчины Казаринову вызвали в холл библиотеки. Александр Петрович и Максим прождали минут пятнадцать прежде, чем к ним вышла женщина средних лет в больших очках. На левой щеке женщины угадывались давние шрамы, которые не могла скрыть косметика.

– Это вы меня искали? – спросила она. – Я вас слушаю.
– Казаринова Светлана Юрьевна? – уточнил сторож.
– Да, это я. А вы кто?
– Александр Петрович, – представился мужчина. – А это Максим.

– Здравствуйте, – робко поздоровался мальчик.
– Здравствуйте, – кивнула женщина. – Так что же вам от

меня нужно?

Александр Петрович взглянул на Максима.

– У нас к вам дело, – нерешительно сказал мальчик.

Он сильно смутился и не знал, как начать разговор. На помощь снова пришел Александр Петрович.

– Вам когда-то довелось присутствовать на одной таежной стройке во время пожара, – произнес он.

Казаринова помрачнела.

– Это было очень давно, – настороженно ответила она.

– В лесу было нечто, – продолжал сторож. – Кто-то напал из тайги на строителей. Не так ли? Из-за чего начался пожар?

– Почему вы спрашиваете? – с тревогой спросила Казаринова.

– Этого молодого человека очень интересуют те события. Расскажите, пожалуйста, что же там случилось?

Казаринова долго молчала, переводя тревожный и какой-то затравленный взгляд с Александра Петровича на Максима и обратно, потом ответила:

– Там не произошло ничего необычного. Просто случился пожар. Извините, но мне нужно работать. Всего хорошего.

Женщина быстро ушла, не оглядываясь. Проводив ее взглядом, Максим хмыкнул и сказал:

– По-моему, она не очень-то нам обрадовалась.

– Она испугалась, – произнес Александр Петрович.

– Испугалась? – удивился Максим. – Чего?

– Не знаю, но я ясно видел испуг в ее глазах. Идем.

Александр Петрович и Максим вышли из здания библиотеки.

– И что теперь? – спросил мальчик.

Александр Петрович сел на скамейку и жестом пригласил Максима последовать его примеру.

– Будем ждать. Время близится к обеду, соседка говорила, что она приходит на обед домой, ведь она живет совсем рядом. Скоро должна появиться, попробуем еще раз с ней поговорить.

– А если не появится? – спросил Максим, садясь рядышком.

– Появится, – уверенно сказал сторож. – Мы не только напугали ее, но и заинтересовали. Она наверняка видит нас из окна и обязательно выйдет.

– Зря я, наверное, все это затеял, – пробормотал Максим.

– Может быть, – бесстрастно произнес мужчина. – Но ты ведь не хочешь отступить?

Максим пожал плечами и неуверенно ответил:

– Нет.

– Значит, продолжим. Не бойся, я помогу тебе.

Максиму показалось, что сторож заинтересовался его проблемой даже больше, чем он сам. Он высказал свою догадку вслух.

– Ты прав, – не стал отрицать Александр Петрович.

– А почему? – спросил мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.